

ПРАВИТЕЛЬСТВО УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР-МУЗЕЙ И. А. ГОНЧАРОВА

**МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 205-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И. А. ГОНЧАРОВА**



Ульяновск
2017

М 34 Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сборник статей русских и зарубежных авторов / сост.: И. В. Смирнова, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. О. Маршалова. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2017. – 400 с.

ISBN 978-5-94655-319-3

Редакционная коллегия:

Ю. К. Володина (ответственный редактор), О. Е. Бородина (ответственная за выпуск), И. В. Смирнова, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. О. Маршалова.

15–17 июня 2017 года в г. Ульяновске на базе Историко-мемориального центра-музея И. А. Гончарова (филиала ОГБУК «Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова») прошла VI Международная научная конференция, посвященная 205-летию со дня рождения писателя. Шестая Международная конференция на родине романиста стала очередным значимым этапом в истории российского и зарубежного гончароведения. В данный сборник вошли выступления её участников, а также работы тех исследователей, которые не смогли приехать в Ульяновск, но пожелали опубликоваться в юбилейном издании.

В настоящем сборнике представлены материалы к научной биографии И. А. Гончарова, мир его творчества в историко-культурном контексте эпохи, в русской литературной мысли XX–XXI веков и зарубежном социокультурном пространстве, стилистические, языковые особенности наследия автора.

ISBN 978-5-94655-319-3

© Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова, 2017

© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2017

**ХРАМОВЫЕ МОТИВЫ В «ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ»
И. А. ГОНЧАРОВА:
ОТКАЗ ГЕРОЯ ОТ ХРАМА И МЕТАМОРФОЗА ОБРАЗА**

Образ России как корабля возникает непосредственно в очерках путешествия Гончарова. Так, именно «русский корабль», представляющий собой «Россию в миниатюре», отправляющийся на «поиск заветного жизнеустройства как для себя, так и для других народов», В. А. Недзвецкий называет центральным героем «Фрегата “Паллады”»¹. «Военный парусник» является таким образом у Гончарова символом Дома-Почвы, противостоящим топосу Чужбины-Океана, воплощающему в себе, помимо других значений (к примеру, Хаоса), идею Верности Дому-Почве: «Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют ее!»².

Образ корабля восходит к Священному Писанию. Ноев ковчег – первый образ в Ветхом Завете, прообразующий церковь Христову, спасающую всех, кто вошел в нее. Форма корабля как Ноева ковчега является одной из ранних в церковной византийской архитектуре. Новый Завет наследует сотериологический смысл образа корабля, с которого Христос, к примеру, в Евангелии от Иоанна (Ин., 6:23), обращается со словом проповеди к народам: вне Христа невозможно достичь пространства спасения – Небесного Иерусалима. Спаситель восходит в корабль с учениками, оставляет их для молитвы и возвращается к ним, идя по морю и спасая Петра, дерзнувшего пойти по волнам (Мф., 14:22–33). Находясь на корабле, он повелевает ветрам утихнуть (Лк., 22–25). Образы корабля как церкви Христовой, моря, тонущего Петра, испугавшихся учеников – все они глубоко символичны. Если корабль – это церковь, то море и шторм символизируют человеческую жизнь с ее событиями. Всякий раз, когда ученики, забыв имя Христа, ис-

¹ Недзвецкий В. А. Фрегат «Паллада» Гончарова как «географический роман» // И. А. Гончаров: Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 134.

² Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”» // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худ. лит., 1977–1980. Т. 2. 1978. С. 70 Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

пытывают растерянность и страх, Спаситель напоминает им: «Азь есмь, не бойтесь» (Мф., 14:22–33; Мк., 6:45–51).

Образ России как храма-корабля проявляется во всех трех романах Гончарова в контексте общей для русской классики храмово-литургической поэтики. Он не обязательно воплощается как визуальная пространственная форма, связанная исключительно с корабельно-храмовой образностью, чаще всего опосредованно, через другие образы и внутренние смыслы повествования.

Текст «Фрегат “Паллада”» структурно оформляется как *рождественский*, имеющий рождественскую церковно-временную рамочную конструкцию: повествование начинается и заканчивается с упоминания о празднике Рождества. Таким образом время начала и конца рождящегося Текста-Путешествия Гончарова сакрализуется как Рождественское. Путешествие от Рождества к Рождеству, то есть в онтологически линейное, храмово-литургическое время, предопределяет рождение новых сакральных смыслов, связанных с Рождеством Господним.

В общем аспекте «Фрегат “Паллада”» – это не только текст-плавание, но и текст-путешествие, так как Гончаров возвращался в Петербург сухим путем через Сибирь. Отметим, что военный парусник «Паллада» был изношен, что приобретает символический смысл: «Русский Корабль» нуждался в срочном ремонте.

Именно события-встречи, связанные с возвращением Гончарова через Сибирь, способствовали осознанию Гончаровым спасительного пути развития России, ее духовной миссии, символами которой во «Фрегате “Паллада”» стали матрос Сорокин и преосвященный Иннокентий – настоящие богатыри духа, русские патриоты, подлинные герои. По мнению Е. А. Краснощековой, «в описании размаха деятельности владыки Иннокентия – признание успеха его высокой христианской Миссии», а «в подвижничестве православного духовенства, по Гончарову, проявились лучшие качества “исполина, что восстал ото сна” – пробудившегося русского народа: выносливость, бескорыстие, доброта...»¹. Рассматривая примыкающие к «Фрегату “Паллада”» очерки и статьи Гончарова, Е. А. Краснощекова обращает внимание на поэтизацию Гончаровым таких исторических фигур, как генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, «цивилизатор-преобразователь», и Александр Второй как «великая фигура современного героя»².

В контексте сибирских встреч Гончарова рождается мысль писателя о способности России-Корабля преодолеть любые природные и социальные стихии, если она соединит в себе возможности материального и духовного развития и, главное, окажется верна своему предназначению – страны, родившейся во Христа и призванной стать примером истинного христианского просвещения для других стран и народов.

¹ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 2012. С. 227.

² Там же. С. 225–226.

В каждом из романых текстов Гончарова, на наш взгляд, содержатся мотивы храмово-литургического сюжета, главным символическим образом которого является храмовая Россия как воплощение России идеальной.

Образ России как храма-корабля структурно оформился у Гончарова во «Фрегате “Паллада”», но его очертания наблюдаются уже в первом романе трилогии – в «Обыкновенной истории».

В ней символом России как «райского уголка» является поместье Грачи, ставшее для двадцатилетнего Александра Адуева в одночасье «тесным». Красота Грачей – это красота богонсажденного сада с цветами, деревьями, лесом, нивами, засеянными хлебами, озером, облитым солнцем. На красоту Грачей в начале повествования сыну указывает мать: «Погляди-ка, – говорила она, – какой красотой бог одел поля наши!» (I, 39). Правда, справедливости ради, нужно сказать, что Анна Павловна тут же «измеряет» эту красоту в категориях прибыли и продажи: «Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертей сберем» (I, 39).

Александр уезжает, по словам матери, от статуса «господина», повторяя сюжет о блудном сыне: «Здесь ты один всему господин, а там, может быть, всякий станет помыкать тобой!» (I, 39).

Однако статус «господина» как человека «господня» Александр утрачивает уже в Грачах: его уже «что-то манило вдаль», «будущее представлялось ему в радужном свете», «мелькали обольстительные призраки», «слышались смешанные звуки – то голос славы, то любви: все это приводило его в сладкий трепет» (I, 40). Александром овладевают мечты о «колоссальной страсти» и «славе писателя», и сердце, впусившее в себя эти «призраки», подчиняет себе ум: «Перед ним расстилалось множество путей, и один казался лучше другого. Он не знал, на который броситься. Скрывался от глаз только прямой путь; заметь он его, так тогда, может быть, и не поехал бы» (I, 41).

Мотив потери пути и истинного ориентира в жизни является лейтмотивом сюжета героя. Ум, знание – качества, связанные с духовной работой, к которой герой в силу своей избалованности не способен. Александр «прилежно и многому учился», знал «с дюжину наук да с полдюжины древних и новых языков», но не знал, где прямой (спасительный для души) путь. Интеллект здесь противопоставлен уму как свойству, присущему цельной душе. В самом начале своего пути герой – уже не господин своей душе, в ней хозяйничают «обольстительные призраки». В душе Александра были «преждевременно» развиты «сердечные склонности» и «*доверчивость* до излишества» [Курсив наш. – Г. М.] (I, 41).

Накануне отъезда в Петербург Анна Павловна наставляет сына в заповедях Господних. Этот фрагмент текста является трансляцией жанровой памяти древнерусских «поучений» с тем отличием, что здесь вместо традиционной фигуры отца «приказчицей» выступает мать. Но земная

мать, как и земной отец, только «приказывают» или «наказывают» своим чадам то, что определено Отцом Небесным. Наставление Анны Павловны начинается с молитвенного зачина, столь характерного для древнерусских текстов почти всех жанров, в том числе и «поучений»: «Надеюсь, Он, Отец мой Небесный, подкрепит тебя». После этого мать Александра высказывает главную мысль своего наставления: «... а ты ... пуще всего не забывай Его, помни, что без веры нет спасения нигде и ни в чем» (I, 43). Александр «доверчив до излишества» к миру призраков и фантазий, но, как показывает сюжет, веры в Бога у него нет, о чем он сам говорит, вернувшись домой спустя восемь лет, проведенных в Петербурге. Причем признание это вызывается детскими и юношескими «воспоминаниями» о религиозной атмосфере дома, пронизанной искренней и безыскусной верой, расширяющей духовный горизонт юной души: «... вспомнил, как, будучи ребенком, он повторял за матерью молитвы <...> как она, указывая ему на звезды, говорила, что это очи Божиих ангелов <...> Показывая на синеву дальнего горизонта, она говорила, что это Сион... Александр вздохнул, очнувшись от этих воспоминаний» (I, 310).

Эти воспоминания рождают сожаление героя об утрате «младенческих верований»: «Боже!.. когда теплота веры не греет сердца, разве можно быть счастливым!» (I, 310).

Мать чувствует, что сына не удержать и, наставляя его в вере, деликатно его спрашивает: «Будешь ли ты посещать храм Божий? Будешь ли ходить по воскресеньям к обедне?» (I, 43). В ответ на молчание сына Анна Павловна сама его утешает: «... где тебе быть так усердну к церкви Божией, как нам, старикам? <...> Не тужи: у тебя есть мать. Она не проспит. <...> Вымолю тебе и здоровье, и чинов, и крестов, и небесных и земных благ» (I, 43–44).

На первое место в своей материнской молитве Анна Павловна ставит как раз блага земные, в то время как для подлинно верующего человека главным благом является спасение души.

Петербург Анна Павловна воспринимает как «чужую сторону», «омут», дорога туда вьется «змеей», вводя в сюжет мотив искушения.

Петербург поражает Александра «запертостью мыслей и чувств», колоссальными гробницами-домами, холодом отношений, где ум цепенеет и сердце каменеет. Предстает перед Александром как мифологическое культурное пространство, обольщающее и подчиняющее себе героя: «Александр добрался до Адмиралтейской площади и остолбенел. Он с час простоял перед *Медным всадником*, но не с горьким упреком в душе, как бедный *Евгений*, а с восторженной думой» (I, 68).

После этого созерцания с героем происходит перерождение: «Взглянул на Неву, окружающие ее здания – и глаза его засверкали. <...> Ему стало весело и легко» (I, 68). Герой стыдится тоски по родным местам и под-

чиняется мечтам о «благородном труде, о высоких стремлениях» и при этом, как иронично добавляет Гончаров, «преважно выступал по Невскому проспекту, считая себя гражданином нового мира...» (I, 68). Интенсивность процесса перерождения подчеркивается быстрой сменой чувств: надежды мелькают, жизнь манит «к чему-то неизвестному», сердце бьется, «в мечтах» герой возвращается домой.

В Петербурге на первых порах антагонистом Александра выступает его петербургский дядюшка – Петр Иванович Адуев. Совершенно справедливо, на наш взгляд, В. И. Мельник объясняет фамилию дядюшки и племянника Адуевых как производную от «Ада»¹ и восходящую к христианской аксиологии. Александру дядюшка напоминает пушкинского демона, о чем он сообщает в своем письме Пospelову: «Сердцу его чужды все порывы любви, дружбы, все стремления к прекрасному <...> Я иногда вижу в нем пушкинского демона... Не верит он *любви* и проч. <...> не любит изящного ... я думаю, он не читал даже Пушкина...» (I, 73–74).

Это предположение Петр оспаривает в диктуемом им самим письме приятелю Александра: «он знает наизусть не одного Пушкина», представляет себя «ни демоном, ни ангелом», а человеком «дела», которое доставляет ему «деньги», а они – «комфорт». В портрете Петра Адуева Гончаров акцентирует внимание на его «сдержанности», умении владеть собой, «не давать лицу быть зеркалом души». И хотя Гончаров и отмечает, что нельзя было назвать лицо «деревянным», а лишь «покойным», всё же эпитет «деревянный» не раз появляется вначале в отношении дядюшки, а затем и Александра. Петр Иваныч, по замечанию племянника, «адски холодно рассуждает о любви» (I, 104), причем рассказывая о своей женитьбе. На это замечание Александра Петр Иваныч иронически отзывается: «Адски холодно – это ново! В аду, говорят, жарко» (I, 104).

Портрет Петра Иваныча изменяется в конце романа, причиной чего является разрушенное здоровье жены, в отношении к которой он применяет «методический образ поведения», пытаясь застраховаться от несчастья и сохранить ее любовь. Получается же все наоборот: Лизавета Александровна утрачивает интерес к жизни, она не верит в любовь Петра Адуева к ней, в способность пожертвовать ради нее материальными выгодами и карьерой тайного советника: «...я знаю, ты в состоянии на великодушное притворство...» (I, 329). Она воспринимает себя помехой, «камнем» на пути мужа: «Я была брошена как камень на твоём пути; я мешаю тебе...» (I, 328). Символика камня, заключенная в имени Петра и имеющая различные смыслы (исторические – Петр I, Петербург как город Петра, ориентирующий на западные модели развития; религиозные – апостол Петр), неожиданно сталкивается со встречным геммологическим мотивом, вызывая справедливый вопрос: кто и на чьем пути является камнем

¹ Мельник В. И. «Обыкновенная история» в ракурсе религиозной концепции // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 146–147.

преткновения? Петр Иванович утрачивает покой, он ходит «немного сгорбившись», «он как будто опустился», движения его стали «не так бодрь», «взгляд не так тверд и самоуверен», он высказывает решимость изменить «деревянную жизнь». Он сознает, что его жена «убита пустой и бесцветной жизнью», и если в нем есть силы к изменению жизни, то Лизавета Александровна превращается в «двойника» своего мужа: она «монотонно», «с унылым равнодушием» повторяет заученные занятия и движения («взяла опять расходную тетрадь со стола»), пытаюсь быть человеком «дела»: «Ты же сам учил меня... а теперь упрекаешь, что я занимаюсь... *Я делаю свое дело!*» (I, 324). Сердечные чувства оказываются для нее губительны, она реагирует на них «с отчаянием».

Петербург, по словам матери Александра, выступает как пространство омота, «чужой стороны». Символичен ее сон о сыне накануне его возвращения домой: «“Да откуда ты взялся, голубчик?” <...> “Из омота ... от водяных”» (I, 295). Сон матери отчасти можно назвать пророческим, поскольку после третьей любовной истории с Лизой, в которой Александр предстает пошлым соблазнителем, «вором» и изгоняется ее отцом из сада, он оказывается близок к самоубийству, всматриваясь в воды реки-бездны и едва удерживаясь на мосту. «Водные мотивы» не раз встречаются в сюжете героя, обнажая иллюзорность его пути.

В пору симпатии к нему Наденьки Александр нанимает лодку с гребцами и переплывает Неву, чтобы добраться до ее дачи. Когда же он отодвигается Наденькой при появлении более значительного лица в ее жизни – графа Новинского, он возвращается с полпути назад: «Адуев все стоял в лодке, с раскрытым ртом, не шевелясь, протянув руки к берегу, потом опустил их и сел. Гребцы продолжали грести.

– Куда вы? – бешено закричал на них Александр, опомнившись. – Назад!» (I, 137).

Александр оказывается словно заключенным в топос «воды», героем омота-бездны, отказавшимся от почвы-традиции и находящимся «между» двумя берегами Невы. Комичностью ситуации Гончаров осмеивает романтического героя.

Сочувствуя Александру в истории с Наденькой, Лизавета Александровна пытается помочь найти герою истинный путь: «Как указать настоящий путь его сердцу? Где этот спасительный компас? Она чувствовала, что только нежная, дружеская рука могла ухаживать за этим цветком» (I, 181–182).

Но дружеские усилия Лизаветы Александровны не приводят героя к настоящему пути, потому что она сама дезориентирована мужем.

Следующая любовная история заканчивается в ином роде, но тоже разочарованием: «И что это за любовь! – думал он, – какая-то сонная, без энергии» (I, 237). После непродолжительного периода веселья его охва-

тывает «омут сомнений»: «высокое поэтическое назначение изменило», а материальные блага кажутся мелкими, в душе Александра появляется «бесенок» тщеславия: «Какой-то бесенок все шевелился в нем, все шептал ему, что это мелко для него, что ему бы летать выше... а где и как – он не мог решить» (I, 255).

Александр охлаждается к жизни и «тонет» в «апатическом сне», причем после разговора с дядей «еще глубже»: «Он искал беседы людей с желчным, озлобленным умом, с ожесточенным сердцем и отводил душу, слушая злые насмешки над судьбой» (I, 257). Александр знакомится с Костяковым, напоминающим гоголевского «исторического человека» Ноздрева: он тоже «... любил ... присутствовать при ... драках, несчастных смертных случаях, провалов потолков...» (I, 257). Костяков выступает в романе как inferнальный герой: «Проходя мимо церкви, в которой отпевали покойника, он продирался сквозь толпу взглянуть мертвому в лицо и потом шел провожать его на кладбище» (I, 257).

В Костякове Александр находит человека, не способного пробудить в нем «душевных волнений», зимой он «играл с ним в шашки, а летом за городом удил рыбу». Гончаров с тонкой иронией описывает состояние души Александра, сознательно стремящейся к духовному омертвлению: «Александр так же усердно стремился умертвить в себе духовное начало, как отшельники стараются об умерщвлении плоти»; в его душе «было дико и пусто, как в заглушем саду. Ему оставалось уж не много до состояния совершенной одеревенелости» (I, 258).

Из состояния одеревенелости Александра на некоторое время выводит случай на «рыбной ловле», когда при появлении «хорошенькой девушки» Лизы, он упускает огромную щуку.

Обратим внимание на реплику проходящего мимо крестьянина, советующего им в ловле рыбы: «А вы позвоните в колокольчики-то! ... может, рыба на благовест-то и того... пойдет!» (I, 261). В ответ на совет крестьянина Костяков «злобно» на него смотрит и раздражается бранью: «необразованный человек», «дубина», «скот», «анафема», «мужик». Но совет «необразованного» крестьянина «образованным» рыбакам говорит о народной вере простого человека в идею послушания всей природы Творцу: рыба на благовест идет, а человек не слышит призывов Бога.

Вернувшись в Грачи после восьми лет петербургской жизни, Александр надеется «воскреснуть душой» на родине. При встрече же мать не узнает своего сына: «Где же твои волоски? как шелк были! <...> щеки – кровь с молоком; весь ты был как наливное яблочко!» (I, 297). Нравственная деградация и измельчание героя подкрепляется намеренной авторской дестетизацией его портрета.

Анна Павловна пытается узнать у слуги Евсея причину изменения сына, и он после долгих усилий произносит слово «разочарованный», сказанное

о нем Петром Ивановичем. Не понимая значения этого слова, Анна Павловна спрашивает Евсея о посещении сыном церкви, получает отрицательный ответ и догадывается о внутренних причинах изменения сына.

Анна Павловна пытается взять Александра с собой на обедню, но он дважды просыпает и, в конце концов, соглашается пойти ко всенощной. Обратим внимание на то, как Гончаров описывает их *пространственное нахождение в храме*: «Мать вошла в церковь и встала у самого клироса, Александр остался у дверей» (I, 309). Герой отказывается от участия в церковной службе, ограничиваясь позицией наблюдателя. Следующий, довольно большой фрагмент текста представляет собой храмовый экфрасис: «Солнце уж садилось и бросало косвенные лучи, которые то играли по золотым окладам икон, то освещали темные и суровые лики святых и уничтожали своим блеском слабое и робкое мерцание свеч. Церковь была почти пуста: крестьяне были на работе в поле; только в углу у выхода теснилось несколько старух, повязанных белыми платками. Иные, пригорюнившись и опершись щекой на руку, сидели на каменной ступеньке придела и по временам испускали громкие и тяжкие вздохи, бог знает, о грехах ли своих, или о домашних делах. Другие, припав к земле, долго лежали ниц, молясь.

Свежий ветерок врывается сквозь чугунную решетку в окно и то приподнимал ткань на престоле, то играл сединой священника, или перевортывал лист книги и тушил свечу. Шаги священника и дьячка громко раздавались по каменному полу в пустой церкви; голоса их уныло разносились по сводам. Вверху, в куполе, звучно кричали галки и чирикали воробьи, перелетавшие от одного окна к другому, и шум крыльев их и звон колоколов заглушали иногда службу...» (I, 309).

Реалистичность изображения храмового пространства и церковной службы контрастирует с экзальтированным восприятием жизни Александра, не способного принять суровую правду жизни.

В контексте храмовой символики, включающей в себя образ России как храма-корабля, Александр находится вне этого пространства спасения. Однако и это отстраненное его стояние у дверей, в притворе, тем не менее вызывает в нем «детские воспоминания» и мысли о необходимости веры, и это лучшие духовные чувства, которые герой испытывает на протяжении всего романа.

Россия как корабль православной веры в «Обыкновенной истории» находится в критическом состоянии. Единственной носительницей веры оказывается мать героя, несмотря на ее весьма своеобразное исповедание: она могла то молиться, то гадать по картам, то приглашает в комнату к спящему Александру что-то шепчущую над его изголовьем старуху. В конце концов мать дает ему неправильное воспитание, оберегая Александра от всех невзгод и желая сыну не спасения его души, а только земных благ.

Как показывает сюжет, Александр не способен к подлинному возвращению и изменению. Если в первый срок своего пребывания в Петербурге герой стремится к «омуту» невольно, то при вторичном возвращении туда — сознательно: «Он думал, что эта скука пройдет, что он приживется в деревне, привыкнет, — нет: чем дольше он жил там, тем сердце пуще ныло и опять просилось в омут, теперь уже знакомый ему» (I, 314).

Сюжет «блудного сына» Александра движется по кругу, циклично и не размыкается в онтологическую линию, способствующую воскресению героя. Он пытается идти в ногу с веком, соответствуя духу времени, но не вечности. Герой не воскресает, а дурнеет и стареет, что неоднократно подчеркивается автором в финале романа: «Как он переменялся! Как пополнил, оплешивел, как стал румян! С каким достоинством он носит свое выпуклое брюшко и орден на шее! Глаза его сияли радостью» (329).

Казалось бы, герой преодолевает состояние тоски и уныния, но его радость, проистекающая от самодовольства, знаменует собой последнюю степень пошлости и одеревенения личности.



Алексеев Петр Петрович, кандидат филологических наук, Межрегиональная академия управления персоналом (г. Киев, Украина).

Алисевиц Татьяна Андреевна, главный библиотекарь Центральной городской специализированной библиотеки имени И. А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия).

Балакин Алексей Юрьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

Балашова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Беляева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Бишицки Вера, переводчик, литературовед (г. Берлин, Германия).

Васильчикова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск, Россия).

Гао Жунго, доктор филологии, профессор, заместитель директора по научной деятельности Института иностранных языков Хунаньского педагогического университета (г. Чанша, Китай).

Гребенищikov Юрий Юрьевич, специалист Центра психологической поддержки и профориентации населения столичного региона Московского городского педагогического университета (г. Москва, Россия).

Греков Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор Московского Православного института Св. Иоанна Богослова (г. Москва, Россия).

Грекова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, преподаватель Центра довузовского образования Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия).

Гуськов Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

Денисенко Сергей Викторович, доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

Долженков Петр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Зубков Кирилл Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, младший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

Казакова Светлана Константиновна, кандидат искусствоведения, член Ассоциации Искусствоведов (г. Москва, Россия).

Калинина Надежда Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

Кравчук Александр Ярославович, учитель русского языка и литературы частного общеобразовательного учреждения «Лицей № 36» ОАО «Российские железные дороги» (г. Иркутск, Россия).

Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург, Россия).

Лоскутникова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент Московского городского педагогического университета (г. Москва, Россия).

Лошакова Галина Александровна, доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (г. Ульяновск, Россия).

Маршалова Ирина Олеговна, кандидат филологических наук, заведующая сектором научно-исследовательской работы Историко-мемориального центра-музея И. А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия).

Мельник Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (г. Москва, Россия).

Молнар Ангелика, доктор филологии, доцент Университета г. Дебрецена (г. Дебрецен, Венгрия).

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Россия).

Наседкина Елена Викторовна, старший научный сотрудник отдела «Мемориальная квартира Андрея Белого» Государственного музея А. С. Пушкина (г. Москва, Россия).

Новопольцева Ольга Владимировна, старший научный сотрудник отдела научно-фондовой работы Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия).

Петров Сергей Борисович, кандидат философских наук, доцент Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск, Россия).

Пёриген Ивонн, кандидат филологических наук, лектор Германской службы академических обменов (DAAD), старший преподаватель Ульяновского государственного университета (г. Бремен, Германия).

Прохорова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Пырков Иван Владимирович, кандидат филологических наук, доцент Саратовской Государственной Юридической Академии, член Союза писателей России (г. Саратов, Россия).

Райхлина Евгения Львовна, доктор педагогических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

Рассадин Александр Павлович, кандидат филологических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (г. Ульяновск, Россия).

Рецов Василий Вячеславович, учитель русского языка и литературы СОШ № 1 Аксайского района (г. Аксай, Россия).

Рипинская Елена Викторовна, филолог (г. Санкт-Петербург, Россия).

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

Савада Кадзухико, доктор филологии, профессор Государственного университета Сайтама (г. Китамото, Япония).

Сапченко Любовь Александровна, доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова (г. Ульяновск, Россия).

Смирнова Ирина Вениаминовна, заведующая Историко-мемориальным центром-музеем И. А. Гончарова (г. Ульяновск, Россия).

Ушакова Татьяна Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Холкин Владимир Игоревич, литературовед, член Союза писателей России (г. Великий Новгород, Россия).

Шевчугова Екатерина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия).



СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
П. Н. Долженков. Миф об Эдипе в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»	7
С. К. Казакова. Ирония судьбы и ирония повествования в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»	14
Г. В. Мосалева. Храмовые мотивы в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова: отказ героя от храма и метаморфоза образа	26
Кадзухико Савада. «Запертой ларец с потерянным ключом»: И. А. Гончаров в Японии	35
Г. А. Лошакова. Путешествие как открытие национальных стереотипов: «Фрегат “Паллада”» И. Гончарова	44
Гао Жунго. Государственный образ Китая в середине XIX века у И. А. Гончарова	51
С. Н. Гуськов. Немецкий герой русского романа. И. А. Гончаров. «Обломов»	60
Е. В. Грекова. Визитеры. Центростремительное движение в романе И. А. Гончарова «Обломов»	66
И. А. Беляева. План <i>новой жизни</i> Обломова и <i>новая жизнь</i> Ольги и Штольца	76
И. А. Балашова. Образ Тарантьева и его роль в романе И. А. Гончарова «Обломов»	85
Н. В. Калинина. В кавычках или без? Цитатность в романе И. А. Гончарова «Обломов»	93
А. Я. Кравчук. Мифологема ада в романе И. А. Гончарова «Обломов»	102
Т. Н. Васильчикова. Форма и функции интертекстуальных включений в романе И. А. Гончарова «Обломов»	105
Е. Л. Райхлина. Воплощение образа И. И. Обломова на киноэкране	109
М. Б. Лоскутникова. Архитектонический строй романа «Обрыв»: сквозные и локальные мотивы	113
П. П. Алексеев. Функции образа Райского в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	122
В. Н. Греков. «Ни жизнью, ни искусством шутить нельзя...»	146
Т. В. Ушакова. «Родовые сценарии» в жизни героев И. А. Гончарова: некоторые «парадоксы» восприятия «рода» героями романа И. А. Гончарова «Обрыв»	155
Е. В. Рипинская. «...и уничтожить Гончарова с его романами, растаскав их по клочкам!» («The Precipice»: изнанка перевода)	163
Е. И. Шевчугова. Образ матери в романной трилогии И. А. Гончарова	183

В. В. Рецов. Образ Дон Жуана в творчестве И. А. Гончарова	189
Ивонн Пёрцген. Стоит захотеть! Воля и свобода воли в творчестве И. А. Гончарова	200
А. Ю. Балакин. Был ли Гончаров автором повести «Красный человек»?	207
К. Ю. Зубков. И. А. Гончаров-фельетонист на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей»	213
С. В. Денисенко. «Намерения, задачи и идеи» «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова	225
Д. А. Романов. Риторическое мастерство И. А. Гончарова-публициста (на примере статьи «Лучше поздно, чем никогда», 1879 г.)	238
А. В. Кубасов. «Мовизм» позднего Гончарова: «Май месяц в Петербурге»	247
В. И. Мельник. Последняя исповедь И. А. Гончарова (биография и творчество)	255
И. Е. Прохорова. «Халаты» Обломова и Вяземского: к вопросу об особенностях «выкроек»	263
Л. А. Сапченко. «... а я на старости люблю азиатские халаты» («Покой» и «лень» в письмах Н. М. Карамзина)	272
Ю. Ю. Гребенщиков. Образы «уголок» и «гнездо» в романах И. А. Гончарова и И. С. Тургенева 1850-х годов	283
И. В. Пырков. Мотив прощания в русской усадебной литературе. К вопросу о творческом диалоге между А. П. Чеховым и И. А. Гончаровым	291
С. Б. Петров. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова и «Корабль “Ретвизан”» Д. В. Григоровича	302
В. И. Холкин. О двух очерках («Слуги старого века» Гончарова и «Домашняя челядь» Лескова)	310
Ангелика Молнар. Творчество Гончарова в поэзии	316
И. О. Маршалова. Мотивы русалок в романах «Обрыв» Ивана Гончарова, «Мелкий бес» Фёдора Сологуба и «Москва» Андрея Белого	328
Вера Бишицки. «Если бы не чад в голове, я бы наслаждался теперь даже Берлином, к которому всегда был довольно равнодушен»	345
И. В. Смирнова. И. А. Гончаров и Устиновы. К вопросу о петербургском окружении писателя	353
А. П. Рассадин. П. Бейсов и Н. Пиксанов (к истории гончароведения)	359
Е. В. Наседкина. Художник Александр Силин – знакомый Андрея Белого, иллюстратор И. А. Гончарова	366
О. В. Новополецца. Краткая характеристика фотографий Гончаровской коллекции в фотодокументальном фонде Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова	375
Т. А. Алисевич. Система работы массовой городской библиотеки по продвижению творчества И. А. Гончарова	382
Авторы статей сборника	387